

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

★ 8. АВГ 1986

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Через несколько дней премьера. А пока — генеральная репетиция. Он сидит где-то в глубине зала, и лишь изредка доносится его голос: «Свет! Следите за светом!» Репетицию ведет не он, а молодой тележурналист Линас Паугис. Это его первая в жизни театральная постановка и сразу такая сложная — пьеса французского драматурга И. Жамбана «Путешествие в Анапулю». Линас время от времени поглядывает на Донатаса Баниониса, словно спрашивает: ну как?

Вообще на репетиции молодые режиссеры он старается ходить как можно реже, видимо, не хочет давать их своим авторитетом, опытом. Тем более бесполезны советы во время генеральной репетиции, когда уже продумана почти каждая деталь спектакля. В начале работы — иное дело, здесь необходимы и помощь, и поддержка. И, естественно, наш разговор, состоявшийся после репетиции в его просторном директорском кабинете, начался именно с премьерного спектакля. Каким он будет?

— Боюсь загадывать, — говорит Банионис и разводит руками. — Давайте подождем результата. Так уж вышло, что все режиссеры, стоявшие в последнее время спектакли в нашем театре, ребята молодые, неопытные. Поэтому помощь необходима, но помощь, подчеркну, ненавязчивая, не разрушительная, не вторгающаяся непрошеным гостем в режиссерскую концепцию спектакля, а дающая как бы толчок, расширяющая идейные рамки постановки.

— Донатас Юозович, театр сейчас на пути становления, начинает выходить из сложной ситуации, возникшей после ухода знаменитого Ю. Мильтиниса, бывшего главного режиссера, на чьи постановки в маленький Паневежис ездил вся страна. Как вы — известный актер, доселе не занимавшийся ни режиссурой, ни сугубо административной деятельностью, — решились возглавить театр?

— Когда Ю. Мильтинис ушел из театра, перед нашим коллективом, работниками культуры республики встал прозаический вопрос: кто вместо него? Взять со стороны? Или найти преемника из числа учеников? Остановились, видимо, на втором варианте, так как в театре, предполагалось, должен был жить дух Мильтиниса, атмосфера его идей. Предложили руководить театром мне. Признаюсь, отказывался. Были и споры, и уговоры — словом, копий немало сломали. Согласился.

Три года не снимался ни в одном фильме, хотя предложенный было много. Почти безвылазно жил и работал в Паневежисе. Понимал: в такой сложный момент нельзя разбрасываться, необходимо сконцентрироваться на одной задаче. Театр не должен был потерять свое лицо, нужно было дать ему второе дыхание. Никому не пожелал бы в то время быть на моем месте. Всю жизнь был актером — и на тебе! Директор, главный режиссер, художественный руководитель, актер. Один из стольких лиц! Было от чего загрустить. Но я решил не сдаваться. Начал с поисков талантливых режиссеров,

Брали в состав труппы выпускников актерского факультета Госконсерватории Литовской ССР. Одна проблема накатывалась на другую, еле успевал сводить концы с концами. А тут еще некоторые критики добавляли масла в огонь: мол, при Мильтинисе был театр, а сейчас нет...

— Были и такие разговоры: зачем, дескать, Банионис ставит спектакли? Актер он отличный, а вот режиссер...

— Поверьте, не от хорошей жизни я взялся за режиссуру, в общем-то, это не мое призвание. Я и многие другие актеры, долгое время работавшие с Мильтинисом, прекрасно знали то режиссерское направление, которое он избрал и по которому неукоснительно шел, даже отбирая в репертуар самые разнообразные пьесы. То, что он делал, было отражением его богатейшей личности. Конечно, можно было все сломать — это, кстати, очень просто: отказаться от всего, что было творческим багажом те-

атра, и вся недолга. Но мы выбрали иной путь. Наряду со мной пьесы ставили и другие артисты старшего поколения. Мы пробовали, экспериментировали. Думаю, его ученики имели на это право. Однако в любом случае театру требовались профессиональные режиссеры, которые смогли бы перевести коллектив на новые рельсы, придать спектаклям новое качество. И таких режиссеров, с которыми мы связываем надежды на лучшее будущее театра, мы нашли. Только тогда мне стало чуть-чуть полегче.

Мы, например, считаем, что в сезон можем ставить четыре спектакля. Можно при определенных обстоятельствах и пять. Но не больше. Насколько мне известно, в ряде театров страны раздувают количество премьер в погоне за

сам, и мы обязаны дать совместно с драматургами тот художественный материал, ту духовную пищу, которая ему нужна.

— Вы больше приобрели или потеряли после этих лет, заполненных сугубо театральными заботами?

— Порой потеря — это и есть приобретение. Вот, скажем, неудача образа Фердинанда Люса в известном многосерийном фильме действовала на меня очень отрезвляюще. Что скрывать, после «Мертвого сезона» я пошел на поводу успеха. С годами стал предприимчивее, требовательнее к себе. Актеру посто-

Донатас Банионис:

ВСЕ РЕШАЕТ ЗРИТЕЛЬ

атра, и вся недолга. Но мы выбрали иной путь. Наряду со мной пьесы ставили и другие артисты старшего поколения. Мы пробовали, экспериментировали. Думаю, его ученики имели на это право. Однако в любом случае театру требовались профессиональные режиссеры, которые смогли бы перевести коллектив на новые рельсы, придать спектаклям новое качество. И таких режиссеров, с которыми мы связываем надежды на лучшее будущее театра, мы нашли. Только тогда мне стало чуть-чуть полегче.

— ...и вы стали сниматься в кино?

— Да. Но теперь снимаюсь гораздо реже, отказываюсь от многих предложений. После вынужденного затишья одной из первых киносъемок было участие в фильме «Змеелов». Совсем недавно закончил сниматься в картине режиссера А. Салтыкова «Крик дельфина». Вот, пожалуй, и все. По-прежнему все рабочее, да и свободное время отнимает театр. Иначе и быть не может. Я начинал работать в нем сорок пять лет назад, семнадцатилетним мальчишкой. Это моя судьба, а от нее, как известно, убежать невозможно.

— Сейчас в семи театрах республики идет эксперимент, цель которого придать большую самостоятельность театральному коллективу. Вновь, как и несколько лет назад, перестройка. Но если раньше этот процесс был довольно болезненным, то сейчас, надо полагать, он закономерен и никаких отрицательных эмоций не вызывает ни у актеров, ни у режиссеров. Можно ли подвести предварительные итоги?

— О результатах, даже первых, пока говорить рано. Ясно одно: то положение, в котором находились театры, надо менять. Возьмем, например, планирование. Откуда появилась эта обязательная цифра — поставить в сезон

зрителем. Нас эта проблема — отсутствие зрителя — несколько не тревожит. В Литве сейчас наблюдается настоящий театральный бум, который вызван к жизни только объективными причинами: и возросшим исполнительским мастерством, и появлением на сценах театров целого ряда великодушных, на мой взгляд, постановок, новых талантливых режиссеров и т. д. В Молодежном театре, например, люди записываются в очередь ночью, чтобы к утру приобрести билет и попасть на спектакль режиссера Э. Некрошюса «И дольше века длится день» или «Пирсман, Пирсман...». Зачем тогда эти пресловутые пять спектаклей?

Верю, что эксперимент выявит и даст положительный результат.

— Будем надеяться. Однако даже если реорганизация окажется эффективной, театр никогда не денется без хорошей драматургии. Серую пьесу при всем желании и таланте поставить на высоком художественном уровне трудно...

— Конечно. Иногда, правда, приходится встречаться и с обратным явлением — бываю и такие казусы... Факт, что не хватает хороших пьес, всем известен. Особенно эта проблема касается пьес на современную тематику. Знакомое чувство: играешь и не веришь ни в своего героя, ни в конфликт, который в лучшем случае лишь затрагивает социальные и нравственные проблемы, а не копает вглубь, в худшем — вообще высосан из пальца. Неужто время не может родить своих героев драматургов? Не верю. Наш театр сегодня ищет пьесу о глубоких морально-нравственных коллизиях, о судьбе человека на крутом переломе в жизни государства. Зритель соскучился по острому, по настоящему правдивым пье-

янно необходимо перестраиваться, искать в себе новые внутренние ресурсы, иначе грозит творческая смерть. С особой силой я эту простую истину понял, когда возглавил театр. Надо было отбросить ложные амбиции, личные невзгоды и прочее ради более высокой цели — возрождения былой славы Паневежского драматического. Как это сделать — вот вопрос, стоящий сегодня передо мной и коллективом театра.

— Значит, ради славы?

— А почему бы и нет? Что в этом зазорного? Разве это не закономерный итог успешной работы театра? Славу создают зрители... Многие мне пришлось переопределить. Глубже понял степень гражданской ответственности художника. Раньше я довольно однозначно относился к тем актерам, которых преследуют неудачи, дескать, слабак... Теперь гораздо осторожнее. Не все так просто в актерской судьбе.

Талант — коварное качество. Его, как говорится, бог дал, но и бог взял, если ты уповал только на талант и пожинаешь плоды первых успехов. Сейчас я реже задумываюсь о своих творческих планах, о себе, чаще — о судьбе других актеров, режиссеров. И это естественно. Такова уж доля, уготованная каждому руководителю театра.

...И вот премьера. Зрители спрашивают лишней билетик — а вдруг? Возле театра — автобусы из Вильнюса, Каунаса, других городов и сел Литвы. Последняя премьера прошедшего театрального года. Он сидит вместе с Линасом Паугисом в режиссерской кабине, возле осветителя. В зале медленно гаснет свет, открывается занавес, и начинается действие...

Беседу вел
Н. ЛАШКЕВИЧ.
(Наш корр.).

Паневежис.